

ЗНАЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ В РАЗВИТИИ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО НАРОДОВ*

М. Н. Тихомиров

Исторические судьбы русского, украинского и белорусского народов теснейшим образом связаны друг с другом. Три братских народа ведут свое происхождение от общего корня древнерусской народности, создавшей самое мощное государство в средневековой Европе IX — XII веков. Общность происхождения и культуры русского, украинского и белорусского народов обусловила их неразрывные связи и в дальнейшем помогла им отстоять свою независимость от напора иноземных врагов. Следовательно, изучение истории древнерусской народности и образования на ее основе русского, украинского и белорусского народов является важнейшим вопросом в истории СССР. Без изучения этого вопроса нельзя полностью понять вековое стремление украинского и белорусского народов к объединению с русским народом в едином государстве, нельзя понять решений, которые были приняты на памятной Переяславской Раде 8 января 1654 года.

Вопрос о происхождении русского, украинского и белорусского народов чудовищно извращался буржуазной историографией. Буржуазные украинские националисты во главе с М. Грушевским всячески пытались доказать существование особого «украинско-русского» народа, который будто бы был связан с русским народом только тем, что принадлежал к восточнославянской языковой ветви. Злобной клеветой на великий русский народ звучат первые же слова введения Грушевского к его «Історії України — Руси». Вопреки истине, Грушевский пытался уверить читателя в том, что «Русь, Русин, русский» не были исконными названиями великорусского народа, а были присвоены ему позже¹. Одновременно он утверждал, что название «Малая Росия» исходит от «Московской державы». Научная добросовестность отступает у Грушевского на задний план перед оголтелым национализмом. Грушевский даже не замечает, что он при этом опровергает самого себя утверждением, что название «Малая Росия» впервые появляется в галицких грамстах XIV в., на возникновение которых Северо-Восточная Русь не влияла.

Сознание единства древнерусской народности проявлялось во многих русских произведениях XI—XIII веков. «Русь», «Русская земля» означали уже в то время определенную территорию, населенную одним народом, хотя в XI в. мы еще встречаемся с племенными названиями вятичей, словен и т. д. В этом смысле интересный материал дает так называемое слово «К невежам», относящееся к раннему периоду русской письменности, вероятно, еще к XI в., в котором вятичи и словены выделены из других русских племен². «Повесть временных лет» также различает отдельные русские племена: хвалит полян за их «кроткий и тихий» обычай, осуждает «зверинский» образ жизни древлян, радимичей,

* Доклад, прочитанный 13 апреля 1954 г. на сессии Отделения исторических наук АН СССР, посвященной 300-летию воссоединения Украины с Россией.

¹ Михайло Грушевський. Історія України-Руси. Т. 1. Львов. 1904, стр. 1.

² Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. II. М. 1913, стр. 14—16.

северян, вятичей и кривичей и в то же время ясно говорит о единстве этих племен. Только эти племена представляют собой «словенск язык в Руси», в то время как чюдь, меря, мурома и т. д. являются особыми народами, это «иные языци»³.

Процесс складывания древнерусской народности в XI в. зашел уже далеко. Однако консолидации древнерусской народности мешала слабость экономических связей. В последнее время высказывались даже взгляды, что эти связи полностью отсутствовали между древнерусскими землями. Так, А. Н. Насонов в своей книге «Русская земля» и образование территории древнерусского государства» делает такое категорическое заявление: «...фактический материал заставляет отказаться от мысли, что решающую роль в расширении территории, тянувшей к «областным» центрам, играл рост внутреннего обмена, притягивающая сила города как центра свободного обмена». Ведущая причина роста территории Руси, по мнению А. Н. Насонова, лежала «в деятельности военной организации феодальной знати, аппарата принуждения, деятельности князей, воевод-тысяцких и т. п.»⁴.

Но если признать отсутствие всякой экономической связи между отдельными областями древней Руси, то процесс образования древнерусской общности останется необъясненным. Нельзя же создание народности и объединение ее территории считать следствием «военной организации знати», как это делает А. Н. Насонов, переносящий центр тяжести на деятельность князей, тысяцких и пр. и ничего не оставляющий для народа — подлинного создателя истории.

Конечно, экономические связи между отдельными русскими землями в XI—XIII вв. были очень слабыми, но они все-таки существовали. Это подтверждается находками многих предметов обихода в русских могильниках. Громадный материал по вопросу о распространении различного рода ремесленных изделий на Руси найдем в работах Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, А. В. Арциховского и других. Широко известен тот факт, что «на каждом славянском городище от Припяти до Волги и от Ладоги до Среднего Днепра находят в изобилии пряслица из розового шифера»⁵. Но розовый шифер, из которого делались пряслица, залегает только у города Овруча, где найдены были и мастерские, их производившие. Этот факт свидетельствует не только о распространении пряслиц, но и о наличии общих вкусов у древнерусского населения, жившего на территории от Припяти до Волги и от Среднего Днепра до Ладоги. Можно значительно увеличить примеры довольно широкого распространения русских изделий. Недаром определенный тип замков был известен в Западной Европе под названием «русских замков», французский эпос знает кольчуги, сделанные на Руси, и пр.

Впрочем, не следует преувеличивать значение экономических связей между отдельными русскими землями в X—XIII веках. Недаром «Русская правда» ограничивает «свод», поиски вора и украденного имущества только «городом», заявляя, что «в чужу землю свода нет». В древней Руси господствовало натуральное хозяйство и внутренний обмен был незначительным. Однако уже самое существование городов с их довольно многочисленным населением указывает на развитие товарного производства, в какой-то мере втягивавшего в свою орбиту деревенское население. Таким образом, говоря о создании общей территории, населенной древнерусской народностью, нельзя сбрасывать со счетов и экономические факторы.

³ «Повесть временных лет». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР. Ч. I. М.-Л. 1950, стр. 13—15.

⁴ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Изд. АН СССР. М. 1951, стр. 217.

⁵ «История культуры древней Руси». Т. I. Изд. АН СССР. М.-Л. 1948, стр. 112—113.

Представление о единстве Русской земли сложилось уже в X—XI вв., причем оно нашло свое отражение не только в литературных произведениях, но и в официальных документах. «Повесть временных лет» возводит начало Руси уже к VIII — IX векам. Русско-византийский договор 911 г. заключен от имени Олега, «великого князя русакого и от всех, иже суть под рукою его»⁶. «Земля Русская» противопоставляется Греческой («Грецкой») земле. Терминология эта, следовательно, уже прочно утвердилась в начале X века. Русские послы клянутся «по закону и по покону языка нашего», то есть своего народа, имевшего уже свои законы и обычаи («поконы»). Ту же терминологию находим и в договоре 945 г., где Игорь назван «нашим» великим князем русским⁷.

Договоры Руси с Византией отражали русско-византийскую дипломатическую практику, а не являлись простым сколком с византийских дипломатических документов. Таким образом, понятие Русской земли существовало уже в начале X века. Это название обозначало не просто территорию, но территорию, населенную древнерусским народом, «люди» — это народ в широком смысле слова.

Интересный материал о том, какая территория понималась под названием «Русская земля», дает «Слово о погибели Русской земли», один из замечательных памятников нашей древней письменности. В нем очерчиваются границы Русской земли, которую окружают Венгрия, Польша, Чехия, Литва, немецкие владения в Прибалтике, Корельская земля и земли народов севера вплоть до Устюга, камских болгар, буртасов, черемисов и мордвы («отселе до Угор и до Ляхов, до Чехов, от Чехов до Ятвязи, и от Ятвязи до Литвы, до Немець, от Немець до Корелы, от Корелы до Устьяга... до Болгарь, от Болгарь до Буртас, от Буртас до Чермис, от Чермис до Мордвы»). В этих границах расположена «светло светлая и украсно украшена земля Руськая»⁸. Написанное в годы усиления феодальной раздробленности (в первой половине XIII в.), «Слово о погибели Русской земли» очертило границы расселения древнерусской народности, которая представлялась автору «Слова» как единое целое от Карпатских гор до Северного Ледовитого океана — «дышущего моря», как его называет «Слово». Врагами Русской земли являются половцы на юге, литва и немцы на западе, буртасы и камские болгары на востоке. Так опровергаются лживые построения буржуазных националистов об исконном различии в происхождении украинцев, белорусов и русских.

Данные о языке древнерусской народности, которые мы находим в довольно обширной письменности XI — XIII вв., говорят о несомненной языковой общности обитателей разных областей Русской земли того времени. Правда, лингвисты установили ряд особенностей в языке, на котором писались произведения письменности в Новгородской, Владимиро-Суздальской, Смоленской, Полоцкой, Галицко-Волынской и других русских землях. В них они видят зародыши тех языковых особенностей, которые получили свое развитие в украинском, белорусском и русском языках. Однако эти отличия были еще недостаточны, чтобы можно было говорить о параллельном существовании трех братских языков уже в XI — XIII веках. Перед нами пока местные диалекты.

Для того чтобы эти диалекты развились в языки, необходимы были особые условия. К числу таких условий принадлежала феодальная раздробленность XII — XIII вв., которая способствовала развитию диалектологических особенностей в языке древнерусской народности. Существование особых говоров XII в., отличавшихся от разговорной речи образованных киевских кругов, засвидетельствовано рассказом Печерского патерика о монахе Спиридоне. Он был «невежа словом, но не разумом, не

⁶ «Повесть временных лет», стр. 25—29.

⁷ Там же, стр. 35.

⁸ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 109 (приложение).

от града прииде в чернечество, но от некоего села»⁹. Памятники древнерусского языка позволяют говорить о разных диалектах, но еще нет оснований утверждать, что в Киеве, Полоцке и Новгороде говорили на разных языках, хотя бы и восходящих к единому корню.

Итак, перед нами факт большого исторического значения: наличие общности территории и языка древнерусской народности, притом не только в период существования древнерусского государства, но и в период феодальной раздробленности XII—XIII веков.

Общность территории, языка и культуры древнерусской народности неоднократно подтверждается памятниками времени существования древнерусского государства и феодальной раздробленности. Митрополит Илларион в первой половине XI в. говорит о своей родине как о стране знаемой и ведомой во всех концах вселенной. Так говорилось о Русской земле в период существования древнерусского государства. Но вот перед нами произведение, написанное в годы феодальной раздробленности XII в., величайший памятник нашей средневековой поэзии — «Слово о полку Игореве». Его создателю Русская земля представляется примерно в тех же границах, как и автору «Слова о погибели». За «землю Русскую» должны вступить князья всех русских областей: и киевский, и черниговский, и галицкий, и полоцкий, и владими́ро-суздальский. Так подчеркивается единство Русской земли в ее борьбе с внешними врагами.

Совершенно естественно, что Русская земля наряду с другими странами выступает и на международной арене как территория, населенная определенным народом. «Руссию» и русских знает французский эпос, о ней говорят документы римской курии, немецкие хроники, византийские писатели, скандинавские саги, арабские, среднеазиатские, иранские и другие восточные писатели. Существование древнерусской народности, населявшей Русскую землю, это факт громадного значения в мировой истории, факт, оставивший прочные следы в истории Европы, а особенно в истории трех братских народов — русского, украинского и белорусского.

Монголо-татарские нашествия разорили территории древнерусских земель. Особенно пострадали от них украинские земли, о бедственном положении которых сообщают путешественники середины XIII в., видевшие по дороге из Западной Европы в Монголию «бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле». Но монголо-татары были не единственными врагами Русской земли. Венгерские, польские, литовские и немецкие феодалы нападали на истерзанную страну, стремясь утвердить над ней свое владычество. Борьба Галицко-Волынской Руси с польскими и венгерскими феодалами закончилась ее подчинением феодальной Польше, тогда как Волынь, Киевская земля и Северщина вошли в состав Литовского великого княжества, так же, как Полоцкое и Минское княжества.

В недавно вышедших «Очерках истории СССР» периода феодализма IX—XV вв. захват древнерусских земель литовскими феодалами рисуется как «меньшее зло» для белорусского и украинского народов в условиях монголо-татарского нашествия. «Включение украинских и белорусских земель в состав Литовского государства было все же меньшим злом, поскольку оно облегчало борьбу их населения с татарскими и немецкими нашествиями и в то же время не изменяло социально-экономических отношений в этих землях, которые находились на более высоком уровне развития»¹⁰, — читаем в «Очерках». Мне кажется неправильным такой вывод. Источники свидетельствуют не о мирном включе-

⁹ «Патерик Киевского Печерского монастыря». Изд. Археографической Комиссии СПб. 1911, стр. 120.

¹⁰ «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.». В двух частях. Том II. Изд. АН СССР. М. 1953, стр. 498.

нии украинских и белорусских земель в состав Литовского государства, а о насильственном их захвате литовскими феодалами. Плано-Карпини, проезжавший по украинским землям вскоре после татарских погромов (в 1246 г.), сообщает, что он и его спутники ехали «в смертельной опасности из-за литовцев, которые часто и тайно, насколько могли, делали набеги на землю Руси... Так как большая часть людей Руси была перебита татарами или отведена в плен, то они поэтому не могли оказать им сильное сопротивление»¹¹.

Агрессия венгерских, польских, литовских и немецких феодалов ухудшила положение украинских и белорусских земель в XIII в., а отнюдь не способствовала их борьбе с татарами. Разорение южнорусских и западнорусских земель, а также захват их иноземными феодалами усугубили феодальную раздробленность. Вторая половина XIII в. являет перед нами картину полного феодального раздробления Русской земли. В Северо-Восточной Руси возникло множество мелких самостоятельных княжеств и земель, так же как и на территории Северщины. Галицко-Волынская Русь, даже в моменты ее наибольшего политического подъема, представляла собой объединение нескольких княжеств во главе с сильнейшим из князей — Даниилом Романовичем. Что касается Полоцкого, Минского и других княжеств, то феодальное раздробление на их территории еще в XII в. достигло таких размеров, что летопись называет полоцких князей общим термином — «княжье» или «князь», напоминаящим позднейшее обозначение «шляхта».

Образование русской, украинской и белорусской народностей, происходившее в основном в XIV — XV вв., совершалось в условиях борьбы трех братских народностей против иноземного ига и против феодальной раздробленности. В Северо-Восточной Руси оно привело к созданию мощного Российского государства. По-иному складывалась история украинской и белорусской народностей, страдавших под господством польских, литовских и венгерских феодалов, но и здесь образование белорусской и украинской народностей было тесно связано с необходимостью борьбы за самое существование этих народностей, которым угрожало порабощение со стороны иноземных феодалов и физическое уничтожение от нашествий турок и татар. Формирование русской, украинской и белорусской народностей происходило на основе их исторической и культурной общности. Мощная культура древней Руси, ее письменность, литература, искусство послужили той основой, на которой развивалась культура русской, украинской и белорусской народностей. Достаточно отметить тот факт, что название «русский язык» употреблялось в официальных документах Литовского великого княжества XV—XVII вв. для обозначения украинского и белорусского языков.

В борьбе за свою национальную независимость украинский и белорусский народы в полном взаимодействии с русским народом опирались на мощную культуру, созданную древней Русью. Население украинских и белорусских земель продолжало и развивало свою письменность на основе древнерусской письменности, поддерживало и охраняло памятники архитектуры в Киеве, Владимире-Волынском, Полоцке и других городах, создало себя прямыми потомками древнерусского населения. Сознанием единства происхождения трех братских народов глубоко проникнуты русские, украинские и белорусские полемические и литературные произведения XV — XVII веков. Русские летописи кладут в основу своего повествования «Повесть временных лет» и продолжающие ее киевские, волынские, галицкие, полоцкие, смоленские, новгородские, владимирские, московские, рязанские и другие известия. Составители Никоновской летописи стараются по-своему осмыслить историю трех братских народов, рассматривая историю России как продолжение традиций Киевской Ру-

¹¹ Иоанн де Плано-Карпини. История Монгалов. СПб. 1911, стр. 45.

си. Ту же схему дают украинские и белорусские летописи. Известный Супрасльский список, написанный в 1519 г. в Белоруссии, начинает свой рассказ с Владимира Святославича и его потомков, которые перешли на север во Владимир на Клязьме. Внимание летописца все время переходит от русских земель к украинским и белорусским, от Москвы к Смоленску, от Твери к Кременцу и т. д. Таким образом, Супрасльская летопись дает образец «общерусской» летописи, охватывающей исторические судьбы трех братских народов в XII — XV веках¹².

Сознание единства происхождения, близости языка и культуры, общности исторических судеб, необходимости общей борьбы с чужеземными захватчиками особенно сказалось в годы борьбы украинского и белорусского народов против шляхетской Польши. В обоснование своих захватнических стремлений польские феодалы и воинствующее католическое духовенство всячески стремились унизить прошлое украинского и белорусского народов. Таковы были известные произведения иезуита Петра Скарги и униатского епископа Ипатия Потее. Вопрос о действительном значении Киевской Руси в мировой истории приобрел в XVI — XVII вв. политическое значение. Иезуитские и шляхетские писатели всячески пытались фальсифицировать историю для оправдания социального и национального гнета, который испытывали украинский и белорусский народы. Наоборот, в полемических сочинениях, направленных против католичества, главной опорой для доказательства прав украинской и белорусской народностей на самостоятельное существование служили исторические ссылки на величие и могущество древней Руси. Захарий Копыстенский в своей «Палинодии» ссылается на самостоятельное существование русской церкви начиная с митрополита Иллариона, который был из «роду российскийского». Копыстенский говорит о единстве всего народа российского, указывая на героическую борьбу его с турецко-татарской агрессией: Иван царь Московский взял и под свою власть покорил две орды татарские, Казань и Астрахань, тогда как казаки, вторая часть «яфето-росского поколения воюют татар и города турецкие»¹³.

Значение древнерусской народности как общего корня, от которого произошли три братских народа, с особой силой прозвучало во время освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов. Небезызвестный Адам Кисель вскоре же после первых поражений польских войск при Корсуне и Белой Церкви писал гнезненскому архиепископу, примасу Польши, о возможных замыслах Хмельницкого и московского правительства: «Единая кровь, единая религия. Боже сохрани, чтоб они не замыслили чего-нибудь против нашего отечества»¹⁴. В этих словах ополченного украинского феодала проявился страх перед объединением двух братских народов, украинского и русского, в едином государстве. Адам Кисель предугадывал неизбежный конец господства шляхетской Польши над украинским народом в случае объединения Украины с Россией.

Стремясь идеологически поработить украинский и белорусский народы, польские и литовские феодалы, при неустанной помощи римской курии и католических монашеских орденов, направляли свои усилия на уничтожение памятников материальной и духовной культуры древней Руси. Во время господства польских и литовских панов была в значительной мере уничтожена богатая письменность на территории Украины и Белоруссии. Уже в XV в. некоторые рукописи можно было достать только в Москве. И видный сановник Литовского великого княжества «писарь Яков» заказывал московским «доброписцам» написать Пролог в одном переплете. Из письма контрагента писаря Якова, русского архитектора

¹² «Полное Собрание Русских Летописей». Т. XVII. СПб. 1907, стр. 2—84.

¹³ См. «Русская Историческая Библиотека». Тт. VI, VII, XIX.

¹⁴ «Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы». В трех томах. Том II. Изд. АН СССР. М. 1953, стр. 29.

того времени Василия Дмитриевича Ермолина, узнаем, что подобные рукописи имелись в Москве, только их нельзя было купить на деньги: «кто будет таково написал, ин себе то и держит, а на деньги того не продаст»¹⁵.

Богатейшее письменное наследие, сохранившееся от древней Руси, погибало не без участия злой воли воинствующего католического духовенства. Так, почти целиком исчезла письменность Полоцкой земли, представленная только житием Евфросинии Полоцкой. Другое полоцкое произведение, повесть о Святохне, несправедливо объявленная подложной, дошла случайно в составе «Истории Российской» Татищева. Как сознательно подделывались и искажались произведения полоцкой литературы, можно видеть на примере так называемых «литовских» летописей. В них мы находим рассказ о взятии Полоцка литовским великим князем Мингайлом. В этом рассказе встречается множество несообразностей. Летописец пытается доказать, что литовские князья были «ласковы» до полочан и дали им право иметь свое вече, как в Великом Новгороде и Пскове. Тут же в нарочито путаном виде сообщается о полоцкой княжне Парасковье, которая постриглась в монахини, поехала в Рим и там «богу служила прилежно». Цель этого рассказа — сделать православную Евфросинию католичкой, спутав ее с другой полоцкой княжной¹⁶.

Тяжелая участь постигла и письменность на Украине. В XIV—XV вв. ее развитие практически замирает. Она возрождается вновь лишь в XVI—XVII вв. в непрерывной борьбе с угнетателями украинского народа. Замечательное произведение украинской исторической литературы XVII в., так называемая Густынская летопись, ставит своей задачей рассказать «о розных народах, таже и о початку славенского российского языка». Густынская летопись говорит об истории «словенского российско-го народа» в целом, то есть об истории трех братских народов — русского, украинского и белорусского¹⁷.

Невежественные и злобные руки разрушали и те замечательные памятники архитектуры, которые были воздвигнуты на территории древнерусских земель, вошедших в состав шляхетской Польши и великого княжества Литовского. В XVII в. был окончательно разрушен величественный собор Галича и на его месте возведена из камней собора бедная постройка типа костелов. Единственная сохранившаяся под Галичем церковь XII в. также была переделана в костел. Нельзя пройти мимо того удивительного факта, что памятники архитектуры древней Руси XI—XIII вв. гораздо хуже сохранились на территории Украины и Белоруссии, чем в России, где их было несравненно меньше. О существовании каменных зданий свидетельствуют многочисленные фундаменты, найденные в Галиче, Владимире-Волынском и других городах Украины.

В борьбе за самостоятельность своего языка и культуры громадное значение для украинского и белорусского народов имело сознание единства их происхождения и исторических судеб с русским народом. Могущественное Российское государство было тем притягательным центром, к которому обращали свои взоры все порабощенные славянские народы. В связи с походом золотоордынского царя Ахмата на Россию в 1480 г. неизвестный автор обращается к русскому народу с горячим призывом постоять за свое отечество, указывая на печальные последствия турецкого порабощения для сербов, болгар, греков, албанцев и других народов¹⁸. Константин Костенческий, сербский писатель XV в., пишет о рус-

¹⁵ А. Д. Седельников. «Послание от друга к другу» и западнорусская книжность XV века. «Известия Академии Наук СССР». 1930. Отделение гуманитарных наук.

¹⁶ «Полное Собрание Русских Летописей». Т. XVII, стр. 362—363 (то же читаем и в других списках «литовских» летописей).

¹⁷ Там же. Т. II (прибавление).

¹⁸ «Полное Собрание Русских Летописей». Т. VIII, под 1480 годом.

ском языке как «краснейшем» среди славянских. Это было отражением тех великих надежд, которые поработанные народы возлагали на помощь народа русского.

Постоянное общение русского, украинского и белорусского народов особенно ярко проявилось в деятельности Ивана Федорова, «москвитина», русского первопечатника. Жизнь и деятельность Ивана Федорова до сих пор еще не изучены достаточно полно. Деятельность его не ограничивалась только сферами типографского искусства. Она имела гораздо более широкое просветительное значение.

Перед нами во весь рост встают те глубокие связи, которые существовали между русской, украинской и белорусской письменностями во все века ее существования. Из России шли письменные и печатные произведения для Украины и Белоруссии, она впитывала в себя лучшие произведения белорусской и украинской культуры. Взаимосвязи трех братских народов еще более укреплялись и углублялись после того, как украинские и белорусские земли объединились с русскими в едином государстве. Развитие экономических и культурных связей способствовало дальнейшему укреплению дружбы трех братских народов.

История древней Руси неоднократно привлекала к себе внимание и вдохновляла прогрессивных русских, украинских и белорусских деятелей. В XVIII в. Княжнин и Радищев воспевали древнюю Русь, противопоставляя ее крепостнической России. В песнях, «петых на состязаниях в честь древних славянских божеств», А. Н. Радищев вдохновенно предсказывал великое будущее славянских народов.

Из истории древней Руси неоднократно черпались темы писателями, композиторами, художниками XIX века. Стоит только напомнить о «Русалке» Пушкина, о «Рогнеде» Серова, «Князе Игоре» Бородина, о музыкальном творчестве Римского-Корсакова и т. д. В сатирической поэме «Юродивый» Шевченко прямо называет своих соотечественников именами древних славянских племен.

История древней Руси далека от современности, но было бы неправильно думать, что вопросы ее потеряли свою актуальность для нашего времени. Это видно по тому глубокому вниманию, которое ей уделяют кликушествовавшие зарубежные фальсификаторы истории. Приемы их не новы, а псевдонаучные обоснования недалеко ушли от опусов иезуитов XVI—XVII вв.: то же стремление всячески принизить величественную историю древней Руси, те же необоснованные доказательства, что русский, украинский и белорусский народы не имеют между собой ничего общего, те же плоды «ученых» бредней, отвергающие подлинную науку.

Советская историческая наука, развивающаяся на основе марксистско-ленинской методологии, путем многочисленных исторических и археологических исследований доказала высокий уровень древнерусской культуры и ее мировое значение. Остается непреложным и неопровержимым фактом, что в пределах древней Руси создалось обширное могущественное государство, населенное древнерусской народностью, что древнерусская народность послужила общим корнем для развития трех братских народов — русского, украинского и белорусского.